

ФРЕЙД – ТАК СКАЗАТЬ*

I

Сегодня с нас спрашивают – этого требует само время – вновь оценить то, в чем же состояло изобретение Фрейда. Более или менее ясно, что оно не смешивается с уже утвердившимися знаниями и не добавляет им какого-то нового содержания. Фрейд изобрел другое, нежели знание, – если его понимать в смысле теоретической дисциплины или практических навыков. В действительности сама идея того, что практика (клиническая практика, как говорят в среде аналитиков) не перестает подпитывать теорию, хорошо показывает, – пусть и под угрозой некоей прагматичной неясности – что мысль здесь движется от открытия к давлению, идущему из глубин, всегда более загадочных и укрытых от «анализа», как бы ни понималось это слово. Ведь «клиника» и состоит – если непосвященному позволено сказать это – в открытии доступа, каждый раз сингулярного, к тому, что не имеет доступа к какому-либо разоблачению или открытию первичного смысла. В этом смысле изобретение Фрейда является среди современных изобретений в наиболее ясной и решительной степени не-религиозным. Поэтому, кстати, оно и не верит само в себя. Оно не может избежать этой уверенности как институция (это не только «школы», но и сам кабинет аналитика, как и название дисциплины «психоанализ»), но насколько его регулирует мысль, может существовать только в различении собственной идентичности.

Что анализ – анализ прежде всего «лечения» – будет *нескончаемым*, даже если будет объявлен *завершенным*, вот что отныне ясно надвигается на то, что называют «фрейдистским психоанализом». Он не заканчивается тем, чтобы истолковать себя или нас призвать к его интерпретации – зовет все время дальше, во след тому, что он мог предположить себе как «знание» и как «умение». Он непрестанно приглашает нас за пределы всякого анализа, к тому, что Деррида называет «*полным и необратимым растворением*»¹.

В заключительном анализе – если все же можно так выразиться – Фрейд не ищет знания. Эволюция его мысли показывает это: она не переставала постоянно смещаться в направлении гипотез или предположений явно еще более рискованных («метапсихологических», т. е. метафизических или спекулятивных), в сторону моделей едва моделируемых или конструируемых («вторая топика» скорее как а-топическое), к тому, что сам Фрейд называет «спекуляция», «репрезентация» или «миф» («убийство отца», «влечение к смерти»), к объектам все менее клиническим – и потому все менее «объектам» – таким, как религия, искусство, цивилизация, война.

Все это хорошо известно, но заслуживает тем не менее того, чтобы быть рассмотренным еще раз. Нам остается оценить еще более пристально разрыв, который отделяет у него, с одной стороны, позитивность научной и инструментальной модели (которой «лечение» дает нужный вектор), и нарративный толчок, творческий, некоего мира, с другой. Ведь этого и ищет Фрейд: рассказывать, описывать возвышение бытия, игру сил, которые там используются.

* Печатается с любезного разрешения автора. Перевод выполнен по изданию: Nancy J.-L. L'Adoration. Déconstruction du christianisme (2). Paris: Editions Galilée, 2010.

¹ Résistances de la psychanalyse. Galilée, 1996. P. 49.

Это не означает, что следует пытаться измерить это расстояние более точно, чем делалось до сих пор (Лакану, со своей стороны, удалось измерить его, изобретя свою собственную фикцию знания, подчинив ее тем не менее инструментальному требованию институционализации и функциональности или профессии).

II

Однако же то, о чем идет речь, не является результатом измерения приборами. Нет сомнений в том, что дистанция, о которой мы ведем речь, связана со временем жизни и размышлений Фрейда, не будучи способной достичь того размаха, на который была способна. Но его намерение или движущие силы выходят за рамки произведения: то, что обозначает слово «бессознательное», не является складкой души, это сама душа, или, если угодно, сам человек. Фрейд не открывает в человеке бессознательное, подобно Декарту, который верил, что обнаружил шишковидную железу, о которой ранее не было известно. Фрейд вводит в игру всего человека целиком. Это новый рассказ о человеке.

И это наиболее нерелигиозный рассказ – т. е. в наименьшей степени готовый довериться какой-либо форме верований, будь то даже вера в науку. Наука ценна для Фрейда прежде всего как крепостной вал против религиозной иллюзии. Но она не обеспечивает для него конструкции объекта. В лучшем случае она лишь показатель стойкости: не поддадимся иллюзиям, которые хотели бы нас преобразить. Что до остального, Фрейд слишком хорошо знал, до какой степени желание знать является частью желания власти и господства вообще. Несомненно, нет «знатока» или «ученого» не просто более скромного чем он, но и действительно более открытого неопределенностям и неполноте, а значит, слабости своего знания.

Признаниями в слабостях и бессилии, в непонимании или неудовлетворенности усыпаны его работы. Идет ли речь об «идентификации», «сублимации», «искусстве» или «цивилизации» среди множества других тем, Фрейд просит принять разочарование его результатами и согласиться отложить дело до другого времени или других средств. То, что он говорит по поводу женского, завершая доклад по этой теме, наиболее показательное в отношении всего комплекса его работ. Признавая, что его изложение осталось незавершенным и фрагментарным, он объявляет аудитории: «Если вы хотите знать об этом больше, ищите ответы в собственном опыте, обратитесь к поэтам или дождитесь, пока наука предоставит вам более глубокие и последовательные сведения». Очевидно, что последнее предположение остывает к слишком неопределенному будущему, если не является проявлением иронии, тогда как два первых – следует связать одно с другим – ясно показывают, в той манере, которая многократно повторяется в его трудах, что речь идет не столько о том, чтобы знать объекты, сколько о том, чтобы дать новое выражение нашему существованию как субъектов.

III

Отсюда ясно, что нет никакого фрейдистского «открытия», и «бессознательное» не является органом. Но изобретение действительно есть: это изобретение рассказа. Как только о человеке рассказывают, что он произошел от создателя или от природы, там, где ему сулят жизнь небесную или вы-

живание вида, появляются другое место отправления и другое назначение. Человек происходит от порыва или толчка², который его превосходит, – во всем намного превосходит то, что Фрейд обозначает как «я».

Этот порыв или этот натиск называется у него *Trieb*. На английский язык переводят как *drive*. Во французском, раз уж это язык, на котором я пишу здесь, выбран *pulsion* (влечение). Ставки в переводе здесь особенно внушительны – тем более что этот текст войдет в издание перевода произведений Фрейда на японском языке! В действительности, в *drive* или *pulsion* двумя разными способами подчеркнут аспект механического, принуждение. Это в большей степени испытываемая тяга, чем искомое тяготение. По-французски термин *compulsion* подчеркивает это пассивное и почти автоматическое значение испытываемого движения, вызываемого извне. Но это *compulsion* у Фрейда называется *Zwang*, и это слово совсем с другим корнем, который указывает на принуждение, невозможность оказать сопротивление (особенно в контекстах одержимости или повторения). Эти два регистра существенно различаются, даже если в каких-то аспектах сообщаются друг с другом.

Trieb в немецком языке обозначает рост, взятый в его действии: развитие растения или заботы, которыми сопровождается развитие животного. Он принадлежит порядку порыва или желания. Он движется вперед, он ускоряется. Действие, относящееся к семантике глагола *treiben*, значительно и многозначно. Фрейд не случайно выбрал это ключевое слово. Здесь подразумевается и более, чем запрограммированный «инстинкт», и менее, чем руководящие «интенция» или «направленность». Конечно, в этом росте понимается что-то претерпеваемое – если его рассматривать в перспективе маленького «я», сознающего и волящего, – но в то же время он сопричастен рождению и росту того сингулярного «некто» («un» *singulier*), которого мы называем «субъектом» – термин, которому Фрейд уделяет немного места – и который во многом превышает то, что могут представлять наши модели «личности» или «индивида».

То, что обозначает *Trieb* – или множество *Triebe* – это движение, идущее от иного, от не-индивидуального, из архаического, зарытого и распространяющего запах, увеличивающегося и замутняющего наши истоки – природу, мир, человечество за нами, а за ним еще и то, что делает его возможным, внезапное появление знака и жеста, зов одних к другим и всех – к элементам, к силам, к возможному и невозможному, смысл бесконечного перед нами, за нами и у нас внутри, желание ответить и выйти навстречу. От этого движения, из этого порыва, из этого толчка мы и происходим, это в нем и насколько мы им являемся, в заключительном анализе, мы и *растем* (*poussons*), как говорят по-французски о растении: мы поднимаемся и становимся тем, чем можем быть.

Этот толчок приходит к нам со стороны. Он делает из нас растущее существо, существо, не «произведенное» совокупностью причин, но вовлеченное, запущенное, вброшенное или даже «заброшенное» (если воспользоваться словом Хайдеггера). Это «место» между тем не находится в некоей запредельной области, оно не является ни трансценденцией в смысле, подразумеваемом теологиями, ни простой имманенцией в смысле, который имеют в виду теологии, обратившиеся в атеизмы. Эта «сторона» находится в нас: она образует в нас самый оригинальный и самый мощный мотор того порыва, который и есть мы. Ведь это не меньше чем наше бытие, или это само бытие, на-

² В тексте несколько раз используется слово *poussée*, которое здесь переводится как «рост», «толчок» в зависимости от контекста – *прим. перев.*

сколько оно оказывается однажды освобожденным от своей онтологической привязки. Это бытие как глагол «быть»: влечение, движение, эмоция, всполох и подъем желания и страха, ожидание и попытка, испытание, доступ, даже кризис и восторженное возбуждение, исступление или изнуренность, образование форм, изобретение знаков, напряжение неудержимое вплоть до невыносимого, пока не рассыплется или не спадет.

IV

То, что я называю здесь «рассказом» Фрейда, состоит в этой попытке описать человека как источник и финальную точку такого роста, такого толчка: нарастание ничего иного, как знака, прочерченного на темном и бесконечно открытом фоне бытия, смысл которого никакой бог, никакая природа и никакая история не могут постичь. Это самая мощная попытка из тех, которые делались со времен конца метафизики. В ней удастся избежать двойной ловушки – самопроизведения человека (в эту ловушку попадает, в частности, Маркс) и воскрешения некоего рода божественности (как в случае Хайдеггера).

Вот поэтому ее величие держится до нас, подвешенное между этими двумя хрупкими краями: с одной стороны, позитивностью предполагаемой науки или даже техники (операциональные свойства которой не составляет труда отвергнуть (как) все-таки все более явно ограниченные значительными изменениями цивилизации, а с нею и «души»), и с другой стороны, верованиями в неизвестно какие силы или фантазматические способности, всем тем воображением «примитивного», в отвержении которого как раз и состоит психоанализ.

Но то, что отвергнуто, как предполагаемый объект или как вымышленный исток, не имеет ни малейшей устойчивости: это оно и поддерживает то, что здесь названо фрейдистским *рассказом*. Этот рассказ повествует о том, что и как люди рассказывают друг другу о своем происхождении и (пред)назначении в связи с бесконечным превышением самих себя, в связи с эксцессивным ростом, который предшествует им и который следует за ними, который помещает их в мир и изымает их оттуда, требуя от них, чтобы в этом мире они придали форму этой за-мирной силе.

В «Психологии масс и анализе “я”» Фрейд вывел на сцену первого рассказчика, первого мифолога, который рассказывает своей орде о том, что убил отца: рассказ о невозможном, поскольку отец появляется только в этом убийстве, и который, следовательно, никогда не был убит, а было лишь животное, которое ему предшествовало. Миф, пишет поэтому Фрейд, это то, чем индивид отделяет себя от психологии массы. Иными словами, миф – это то, благодаря чему появляется структура, в соответствии с которой можно иметь некое «я» (un «moi»), отделяясь на фоне «оно» («ça») – и это отделение устанавливается в мифическом производстве «героя», т. е. «я». Вот где открывается изобретение Фрейда: субъект сам рассказывает, он появляется благодаря своему рассказу. Это не вымысел, поскольку здесь действует не «говорящий субъект», это скорее тот, кого слово помещает в мир – слово или то, что следовало бы назвать означиванием, тем, что открывает возможность смысла.

Фрейд знал, что не следует спрашивать о смысле (жизни); сам этот вопрос уже патологичен, говорил он. Но он знал, что означивание нас обязывает и вынуждает. Быть вынуждаемым смыслом – значит быть должным выка-

зять себя воспламененным тем, что вызвался нести. Вот на что отвечает речь как миф: она не плетет интригу, она не измышляет, она прилагает все усилия, чтобы позволить говорить тому, что предшествует слову, означивание в состоянии порождения. *Trieb* – рост, толчок, порыв, влечение, неистовство, вспышка – вот имя, которое нашел Фрейд (совершенно явно в противоположность «инстинкту»), чтобы говорить об этом усилении, то есть об этом формировании смысла до и после всякого означивания: силе желания, которая выносит человека за пределы самого себя.

Именно там, где останавливается наука, а религия оказывается иллюзией, Фрейду удалось вновь открыть мифическую речь. Дать имя, предварительное, как все мифические имена (может быть, как все имена...), тому, что толкает (*rousse*) нас в бытие. Ведь получилось же написать: «Учение о влечениях является, так сказать, нашей мифологией. Влечения суть мифические существа, величественные в своей неопределимости»³.

Так сказать («*sozusagen*»): но всегда говорят это «так», говорят приближаясь, примерно, настолько близко насколько возможно и всегда бесконечно далеко от того, что подталкивает нас говорить.

Перевод с французского Нины Сосны

³ XXXIIe des *Nouvelles Conférences*, «*Angoisse et vie pulsionnelle*». GW XV. P. 101.